

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИФОЛОГЕМЫ «ЖЕРТВА» В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF THE "VICTIM" MYTHOLOGY IN THE MODERN MASS CULTURE: A COMPARATIVE ANALYSIS

*Yu. Poleva
I. Sarkisyan*

The authors analyse the discourse of myths "victim" in popular culture, folklore and modern postfolklore. Conducts comparative analysis of European and Russian systems of values that have shaped different approaches to the interpretation of the concept of "victim", holds the historical and genetic analysis of the value of self-sacrifice in the Russian national culture. Considers the reasons for the ambivalent reflect the concept of "victim" in contemporary popular culture, it analyzes the impact of globalization on national values and priorities earthen cultural traditions. Poses the problem of the interdependence of categories "freedom" and "responsibility" applies to the concept of "self-sacrifice"

Keywords: postfolklor, internetlor, mythology, ideologem "victim", axiology, the Great Patriotic War, mentality.

Полева Юлия Владимировна

*К.и.н., старший преподаватель, ФГБОУ ВО
«Волгоградская государственная академия физической
культуры»
poleva_yuliya@mail.ru*

Саркисян Ирина Феликсовна

*К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Волгоградская
государственная академия физической культуры»
Domuvokzala57@mail.ru*

Аннотация. Авторы рассматривают дискурс мифологемы «жертва» в массовой культуре, современном фольклоре и постфольклоре. Проводят сравнительный анализ европейских и российских ценностных систем, определивших различные подходы к интерпретации понятия «жертва», проводят историко-генетический анализ ценности самопожертвования в русской национальной культуре. Рассматривают причины амбивалентного отражения понятия «жертва» в современной массовой культуре, анализируют влияние процессов глобализации на национальные ценностные приоритеты и почвеннические культурные традиции. Ставят проблему взаимозависимости категорий «свобода» и «ответственность» применительно к понятию «самопожертвование».

Ключевые слова: постфольклор, интернетлор, мифологема, идеологема, «жертва», аксиология, Великая Отечественная война, менталитет.

Постфольклор — продолжает оставаться неотъемлемой частью современной массовой культуры. Его жизнеспособность определяется его функциями: он, оперируя различными штампами идеологем и мифологем, формирует «генеральные легенды»; определяет основные ценности общества в категориях абсолютного добра и зла. Преимущество постфольклора по отношению к традиционному фольклору характеризуется следующими чертами: система аргументации, узнаваемые сюжеты, схемы, неэлитарность, бытование в массовой среде, самовоспроизводство «снизу», укорененность в обыденном сознании.

Одной из наиболее мифологизированной тем в современной культуре, как и болезненно дискутируемой в современных массмедиа, является дискурс Великой Отечественной войны. Переоценке часто в антагонистических плоскостях подвергаются малейшие нюансы проблематики. Широкий резонанс вызвал провокационный

опрос телеканала «Дождь» на тему «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?» в январе 2014 г., который выявил, что современная тенденция сетевых споров направлена не столько на само событие, сколько на ревизию представлений о нем. Среди традиционных ценностей, в российской ментальности высокая ценность придется жертвенности. Это отражается в призывах: «Помнить о подвиге людей, которые действительно положили свою жизни на алтарь Победы» или «кощунственно проводить опросы» на эту тему [19]. Есть устойчивый кластер суждений, демонизирующих роль Сталина в событиях Второй Мировой войны, утверждающих, что «такого количества жертв можно было бы избежать, если бы не просчеты Сталина»; также настойчиво проводится тенденция деконструировать мифологему «жертв войны» как некий симулякр. Из традиционной ценности, «народная жертва» принесенная на алтарь победы, превращается в советскую идеологему, реализующую директивную установку политического режима:

«для обновления старого легитимирующего мифа героизируют события советского периода. Преступные и ошибочные шаги советской системы реабилитируются» [14]. Дискуссия о содержании таких сюжетов (не исторических событий, а именно традиции) нередко приобретает агрессивный характер.

С одной стороны, это свидетельствует о том, что традиция стала неоднородна, претерпевает разрыв. Усиливающаяся конфронтация, на наш взгляд, закономерна. Дискурс традиции в постмодернизме отличается от архаики и модерна интенциями агностицизма и неоднозначностью символики. Деконструкция понятий — характерная черта культуры эпохи постмодернизма. Эта игра смыслов отражает также гетерогенность ценностных норм Запада и России. Необходимо отметить также специфические черты, разводящие такие области как фольклор и постфольклор.

Возникает вопрос, в каком ключе должно интерпретировать общее понятие «жертва»: это идеологема, мифологема или все-таки архитипическая универсалия?

Мифологема обеспечивает поддержание культурной практики мифологемы маркирует «своих» и «чужих» в обществе. Через единство мифологической традиции осуществляется интеграция общества, смыслы мифологем запускают единые культурные механизмы. Даже небольшие отклонения в интерпретации способны расколоть культурную традицию, вызвать острые конфликты в обществе, вплоть до уничтожения, или дискриминации социальных групп, признанных девиантными. Например, догматические различия сотериологии в основных христианских конфессиях, что демонстрирует нам история крестовых походов (в том числе 1242 г. на Новгород), история Реформации. Так в протестантизме считается, что жертвы Христа абсолютно достаточно для спасения, дело человека в это верить. В католичестве признается достаточность жертвы Спасителя, но вина перед Богом должна быть искуплена. В православной сотериологии человек должен жить с Богом и в Боге, подразумевается непрерывный духовный труд личности.

Миф в отличие от идеологемы амбивалентен, о чем писал еще Э. Дюркгейм: «нечистая вещь или злая сила часто становится святой вещью или спасительной силой — и наоборот — не изменяя своей природы, но просто посредством изменений внешних условий». Сама возможность этого превращения, подчеркивает он, и конституирует свойство амбивалентности сакрального [10, с. 46]. Так и убийство повреждает природу мира и восстанавливает нарушенное единство через искупительную силу крови жертвы. «Без жертвы нет творения» [15]. Таким образом, понятие жертвы является одной

из центральных в архаичном менталитете. Сам космогенезис в мифологии осмысливается через «жертву». Так сотворение мира в скандинавской мифологии происходит из костей великана Имира, в Индии — Пуруша, в Вавилоне из расчлененной Тиамат. Искупительный смысл жертвы имеет легитимирующее значение для общества через понятие «сораспятие», «В раю не распяты нет».

Амбивалентность жертвы, может пониматься в различных аспектах. Во-первых, через «профанацию», высмеивание. О ритуальном осмеянии божества писал еще М.М. Бахтин, как магическом акте, обновляющем миф и в тоже время «гротескном реализме» [2]. Трагическое и ужасное может пародироваться и высмеиваться.

Не взирая на предельно канонизированный дискурс «Священной войны» в советский период, феномен народной смеховой культуры не обошел тематику героя-жертвы. Известны многочисленные дуальные конструкты современного городского фольклора. Например, в г. Волгограде на пересечении проспекта Металлургов и ул. Таращанцев стоит памятник советских времен подвигу М. Паникаха, отражающий трагический пафос самопожертвования этого героя. Однако, известно народное название соответствующего памятника, возникшее еще в советский период: «без пяти минут семь» [12] (это время закрытия ликероводочного магазина напротив памятника). Известен анекдот про Александра Матросова, также возникший еще во времена СССР: «23 февраля 1943 года рядовой Александр Матросов, воспитанник детского дома, закрыл амбразуру вражеского дзота своим телом. Спрашивают, какие были последние слова Александра Матросова: «Ах, этот ... голлед!» [13].

Другой аспект амбивалентности жертвы выделил К.Г. Исупов, он указал, что жертва подразумевает акт жреца, заклатие жертвы, ее пожирание, также обращает внимание, что жертвенность в российской культуре проецируется как христологическая мистерия, переживаемая и как историческая задача России, и на личном уровне, например, у Достоевского [8, С. 111–114]. Эта христоцентричность не является открытием философской мысли XIX в. Идея сораспятия, как оправдания смысла существования, присуща широким социальным движениям, например старообрядчеству. Оправдание страданием стало стержнем духовности старообрядчества: «Истинная церковь всегда гонима!»

Джордж Агамбен, обращаясь к теме жертв концентрационных лагерей, тоже говорит об амбивалентности понятия жертвы, актуализируя древеримский термин homo sacer как изгоя, лишённого защиты и со стороны богов, и со стороны людей. В политическом смысле под Homo sacer он понимает объект повседневного насилия

дозволенного властью, теоретическую модель человека, лишённого всех прав, подобно жертвам концлагерей [1].

В полемику с ним вступает проф. В.А. Бачинин и его интерпретация более чем ценна для дальнейшего анализа проблемы. На примере многострального Иова, В.А. Бачинин демонстрирует, что положение *homo sacer* амбивалентно, «находящийся в плачевном состоянии видимого поражения, (он) сохраняет внутреннее достоинство, веру, те принципы, которыми руководствовался и в благополучное время» [3]. Однако Агамбен считает такой подход устаревшим. В его интерпретации: «все люди превращаются в потенциальных *homines sacri*, в политических животных, не распоряжающихся своими личностями, судьбами, жизнями...» [1]. Концлагерь, как место, где для человека не оставалось «ни Бога, ни истины, ни справедливости» деморализовал многих узников, лишил их воли к жизни [3]. Бачинин В.А. в этой дискуссии подчеркивает роль надличностных ценностей, которые интерпретируются им как вера: «Те, кто убедил себя в том, что Бог «умер», остаются обладателями только лишь своей жалкой *nuda vita*, которая незамедлительно переходит под патронаж губительных демонических начал» [3].

Особенности аксиологии свободы в традиционном российском и европейском понимании, это то, что разводит В.А. Бачинина и Дж. Агамбена в интерпретации понятия «жертвы». С точки зрения Агамбена выбор личности пассивен, он зависит, не столько от воли, сколько от условий окружающего мира. Эта идея личности, как пассивной жертвы, *Homo sacer* Агамбена вполне узнаваема в романе Стайрона «Выбор Софи» [16].

Кульминация драмы связана с эпизодом, где пьяный врач эсэсовец в Освенциме предлагает героине романа решить, кого из детей она оставит жить, а кого отправит в газовую камеру. Иначе в печь будут отправлены оба ребенка. После мучительных колебаний София оставляет сына Яна, но так и не узнает, удалось ли ему выжить. Описывая недолгую послевоенную жизнь Софии, автор прибегает к таким определениям как «обреченность», «безысходность», «покорность». Стайрон считает, что такой конформизм, вплоть до согласия со злом — плод патриархального воспитания, при котором полностью подавляется индивидуальность женщины, Софи — жертва нацизма, создававшим из людей «живых мертвецов», вынуждая их работать на благо нацизма, для уничтожения заключенных, до тех пор, пока их самих не отправят в печь. Автор проводит мысль о своеобразном inferнальном романе между полячкой и дьяволом, демонстрируя потерю веры Софии, власть тех самых «демонических сил» о которых писал Бачинин. Это внешняя безжалостная сила вызывают надлом личности как у доктора эсэсовца, так и у Софии. Нацистский доктор представляется также жертвой, как и несчастная мать.

Этот тип дилеммы в европейских учебниках по этике рассматривается как нерешаемый или неправильный тип дилеммы, потому что к нему невозможно подходить ни с точки зрения деонтической логики, ни с точки зрения иерархии ценностей [16]. Таким образом, у Стайрона внешние обстоятельства играют решающую роль в моральном выборе личности, а следовательно, снимают в той или иной мере ответственность за поступок.

Сломленная потерей всей семьи, не вынеся чувства вины, не обретя опоры для дальнейшей жизни ни в себе самой, ни в любимом человеке, Софи в итоге выбирает самоубийство. И этот акт опять не является вполне самостоятельным. Это всего лишь согласие разделить судьбу с любимым человеком, который лечил и заботился о ней. Безусловно трагическая, полная безысходности история, поведанная Стайроном, показывает необратимый крах личности перед лицом ужасной дегуманизирующей силой нацизма. Она выжила, но жизнь потеряла какую-либо ценность. Это то состояние, о котором писал Дж. Агамбен «*homo sacer*»: «Пребывающее «по ту сторону» истины и справедливости, оно обладает только «голой жизнью» («*nuda vita*»), то есть нечестивой, отвергнутой жизнью, которая из-за её нечистоты может быть у него в любой момент безнаказанно отнята... *vita sacra* — это всего лишь исключенный отовсюду остаток жизни, ставший «бытием-к-смерти», отданный во власть смерти и не подлежащий возврату» [3].

Можем ли мы говорить о таких ценностях, культурных образцах и моделях, которые бы дали конструктивный выход из того экзистенциального ужаса, чрез который прошла героиня романа? Нельзя не заметить, что трагедия потери близких в условиях оккупации затронула миллионы наших соотечественников. За каждую партизанскую диверсию, расстреливались мирные жители, в том числе близкие и родные самих партизан.

Еще 23 июля 1943 г. Гитлер сделал следующее дополнение и разъяснение к директиве № 33. «...всякого рода сопротивление будет сломлено не путем юридического наказания виновных, а если оккупационные власти будут внушать тот страх, который единственно способен отбить у населения всякую охоту к сопротивлению...» [7].

Таким образом, партизаны оказались перед дилеммой — бороться ли с врагом методом диверсий на оккупированной территории, обрекая на смерть близких, или сохранять конформизм по отношению к оккупантам. Обыватели могли выдать ли партизан и таким образом попытаться спасти свою жизнь и жизнь своих детей; или могли пожертвовать как собой, так жизнью близких — для расправы было достаточно просто не донести.

Одна из самых массовых карательных акций против мирного населения произошла 1–2 марта 1943 в селе Коруковка на Черниговщине. В ходе этой расправы, были убиты почти семь тысяч человек [17]. Какие ценностные ориентиры привели к тому, что население, жертвуя собой, поддерживало партизан, а партизаны, жертвуя своими детьми, родителями, продолжали борьбу с оккупантами?

Патриотизм, как нравственная сила был центральной ценностью, интегрировавшей советское сообщество, поскольку речь идет о периоде, где идеология уже третье десятилетие насаждало воинствующий атеизм. Ценность индивидуальной жизни, жизни семьи была понижена не только как результат воздействия советской идеологии, но и как элемент традиционного менталитета, опирающегося на приоритет коллективного над индивидуальным. Следующей ценностной категорией, определявшей нравственный выбор советского народа была — Свобода. Эта ключевая категория в России понимается иначе, чем в Европе. Для Софи Завистовской — свобода, это самореализация в музыке, забота о детях, матери, преданность любимому человеку. Это широкое пространство индивидуального комфорта. Где выбор зависит от произвола индивида, можно сказать «произвольная свобода» или «своеволие» в терминологии Н. А. Бердяева, которая интерпретируется им как деструктивная и бесплодная сила [5]. Выбор Софии оказался именно бесплодным. Она потеряла все, что пыталась защитить.

Однако, свобода советского народа, пораженного немцами своей готовностью к вполне сознательному самопожертвованию, это иной уровень свободы, соединивший в себе такие ценности, как общее благо, эгалитаризм, социальная справедливость — те универсалии, как они понимались в то время. Такая свобода неразрывно связано с понятием ответственности. Или, можно выразиться словами Н. А. Бердяева «воля к правде», как начало нового мира: «Личность восстает против порабощения её общеуниверсальным, объективным, против ложных святынь, ...против тирании общества, но она берет на себя ответственность за судьбу всех, всей природы, всех живущих существ, всех страдающих и униженных, всего народа и всех народов. Личность переживает всю историю мира как свою историю» [5].

Уильям Стайрон, проводя в своей книге параллели между расизмом в южных штатах США и нацизмом в Германии, рассматривает участников, вовлеченных в эти движения, как результат воспитания системы, с заданной раз и навсегда системой координат, «как бы их поступки не были нам отвратительны, они всего лишь часть целого, не несущие ответственность за само явление» [16]. Эта предопределенность отраженное эхо

протестантского влияния. Современный западный ценностный подход опирается на конвенционализм и индивидуализм, в то время как в России были традиционные абсолютные нравственные ценности и коллективизм. Западный подход, усвоенный частью российского общества в условиях глобализации, приводит неизбежно к разрыву с почвеннической традицией, что мы и наблюдаем в современных дискуссиях о жертвах войны. Но означает ли подобный разрыв цивилизационную подвижку, начало изменения национальной и культурной идентификации, неизбежное продвижение культурной глобализации, или все же мы должны говорить о ситуационном отклонении?

Возвращаясь к контексту мифологем, мы не должны забывать об основах мировосприятия мифологического пространства, об архаическом восприятии общества себя как единого организма, о коллективизме и органицизме. Это надиндивидуальный подход: индивид может пожертвовать собой во имя выживания коллективной личности.

Различие ценностных подходов России и Запада наиболее ярко выражен в исторической песне «Авдотья-Рязаночка», чья дилемма парадоксально напоминает «Выбор Софии». Героиню русского фольклора татарский хан заставляет сделать «правильный выбор» одного из пленников: сына, брата и мужа, иначе казнены будут все.

Дилемма Рязаночки сходна в некотором роде с дилеммой Софии. Любой выбор Авдотьи, с одной стороны, дает свободу родному человеку, но обрекает остальных двух тяжелой участи. Однако выбор Авдотьи, в отличии от Софии Завистовской возносит ее на пьедестал национальной героини, спасшей сограждан. Она, лирично оплакивает каждого из родственников, но выбирает брата:

*Тесно мне отовсюду!
Как без камешка синее море,
Как без кустышка чистое поле!
Как я тут буду выбиратьи,
Кого на смерть оставляти?!
Мужа ли я покину?
Дитя ли свое позабуду?
Брата ли я отступлюся?
Не видать мне буде единыя головушки —
Мне милого братца родимого,
Да не видать век да и по веку».*

На недоуменный вопрос хана, Авдотья прибегает к деиндивидуализированной аргументации, мотивируя свой выбор тем, что другого брата у нее не будет, а новый муж и сын — возможны [9]. Растроганный хан, вспомнив погибшего брата, отпускает с Авдотьей всех, кого она выберет из пленников.

В своем выборе Авдотья, преодолев личные терзания, подчиняет свою волю традиции, общинным ценностям. Ее поступок соответствует деонтологической логике: «делай, что должно». Архаичные нормы, отдавали приоритет ближайшего родственника брату и сестре. В этой же ценностной системе находился и хан, признавший моральный приоритет выбора Авдотьи. Вознаграждением победительнице в моральном поединке становятся не только семья, но и все сограждане¹.

Мы можем сказать, что Авдотья так же стала жертвой, но не пассивной жертвой обстоятельств, как София Завистовская, а осознанной добровольной жертвой, подчинив свою индивидуальность долгу перед родом. Такая интерпретация жертвенности, получила цивилизационное значение, переосмысленное в наше время. Идеям Н. А. Бердяева созвучно мнение митр. Кирилла: «Я думаю, что жертвенность нашего народа, его природная способность отдавать себя другим явились решающими факторами в формировании огромного имперского евразийского пространства, многорелигиозного и многонационального» [11].

Итак, мы видим два ценностных подхода к понятию жертвенности: пассивная «жертва обстоятельств» и «самопожертвование». При этом именно активное самопожертвование является культурной традицией России, традиционно одобряемой поведенческой установкой. Это осознавалось как русской философской мыслью, так же и многократно отмечалось европейскими военными и историческими деятелями при анализе событий Отечественной войны 1812 г., Крымской войны, Великой Отечественной. Но секрет успеха Авдотьи, советских граждан, сопротивлявшихся германской оккупации не только, в активной позиции самопожертвования, но и в ценностном плане в приоритете общих ценностей над индивидуальными.

Мы уже говорили, что наблюдаются отдельные тенденции по деконструкции традиционного понятия «жертвенность» в современных масс-медиа, где потери Советского Союза в Великой Отечественной войне подаются как глупость или результат преступления. Высокий смысл самопожертвования профанируется и путем понижения результата жертвы, и самой цены. Исчезает активная позиция альтруистического выбора. Герой превращается в марионетку, жертву манипуляции. К этому подталкивает разочарование в глобальной идее социальной справедливости, связанной с крахом Советского

¹ Традиционная форма выражения благосклонности повелителя к победителю в духовном состязании. См.: например, Житие Константина Философа. По итогам хазарской миссии каган отпускает с Константином и Мефодием всех пленных греков.

Союза. Кризис прежней ценностной системы порождает скептицизм и ревизионизм традиционных устоев, слабо коррелирующихся с ценностями стран «ядра» постиндустриального мира.

Мы не можем отрицать, что презрение к смерти, высокий альтруизм, как проявление патриотизма, являются одной из основ жизнестойкости Российской цивилизации перед различными историческими угрозами. Допустимо ли говорить сегодня об отмирании традиционного понимания ценностных норм; об изменении национального характера? Или эти изменения носят ситуативный характер?

Обращаясь к истории, можно констатировать, что самоотрицание является чертой прозападной части нашей элиты, пожалуй, с петровским времен. Это с поразительной точностью описал Н. А. Бердяев: «Русский же — апокалиптик или нигилист... Русское искание правды жизни всегда принимает апокалиптический или нигилистический характер. Это — глубоко национальная черта» [4]. Таким образом, мы можем наблюдать определенную преемственность в самосознании российской интеллигенции, в стремлении к отвержению внутренней национальной идентичности, через восприятие европейской идентичности. Об этом внутреннем конфликте русской интеллигенции писал также и О. Шпенглер, о том, что «Петровство» было и осталось чужеродным телом в русскости. «Чуждый элемент внес яд, от которого могучий корпус заболел и умер. Это был непонятный и недоступный русскому мышлению дух западного рационализма XVIII и XIX вв., которые в форме русского нигилизма вели свое карикатурное и опасное существование в среде городской «интеллигенции» [6].

Однако за прошедший XX век в российском обществе произошли существенные социальные и культурные изменения, прежде всего, исчезла традиционная, «крестьянская» Россия. Городская среда, создает новые культурные потребности, основа новой российской идентичности формируется в сложных условиях. Однако, внешние вызовы, угрозы создают как раз ту традиционную культурную среду, в которой формировался российский менталитет, это «активирует» традиционные символы и ценности, мифологемы. Национальный менталитет, как элемент структуры массового сознания, обладает высокой устойчивостью, в силу своей статической природы. Он не требует логического обоснования и критического осмысления. На данный момент, учитывая историческую ретроспективу, нельзя говорить об изменении культурной идентичности россиян, скорее можно согласиться с мнением профессора В. В. Тулупова: «Видеть в ситуативных изменениях кардинальное изменение менталитета — значит, допускать методологическую ошибку» [18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Дж. — Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь (2011) / Дж. Агамбен // [Электронный ресурс] // Медиатека Предание.ру URL: <https://predanie.ru/book/219454-suverennaya-vlast-i-golaya-zhizn/#/toc8> (дата обращения: 11. 12. 2019).
2. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин // Библиотека Гумер. [Электронный ресурс] // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Baht/intro.php (дата обращения: 11. 12. 2019).
3. Бачинин, В.А. О сакральной жертве / В. А. Бачинин // Клуб Эсхатос [Электронный ресурс] // URL: <http://esxatos.com/bachinin-sakralnaya-zhertva> (дата обращения: 11. 12. 2019).
4. Бердяев, Н. А. Духи русской революции / Н. А. Бердяев. — Библиотека «Вехи» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/duhi.html> (дата обращения: 11. 12. 2019).
5. Бердяев, Н.А. О рабстве и свободе человека / Н. А. Бердяев. — Библиотека «Вехи» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/rabstvo/041.html> (дата обращения: 11. 12. 2019).
6. Голосенко, И.А., Султанов, К. В. Культурная морфология О. Шпенглера о «ликах России» / И. А. Голосенко, К. В. Султанов // Библиотека Гумер [Электронный ресурс] // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Article/gol_kult.php (дата обращения: 11. 12. 2019).
7. Из дополнения к директиве ОКВ № 33. [Электронный ресурс] // Нюрнбергский процесс. Преступления против человечности (том 5). Москва «Юридическая литература» 1991. OCR Кудрявцев Г. Г. // URL: <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/NURNBERG/np5.txt> (дата обращения: 11. 12. 2019).
8. Исупов, К.Г. «Космос русского самосознания». Жертва / К. Г. Исупов // Лексикон. — 2007. — № 3. — С. 111–114.
9. Ковпик, В.А, Калугина, А. В. Сборник Былины. Исторические песни. Баллады. Электронная книга / В.А Ковпик, А. В. Калугина. — 2008. — 150 с. // URL: http://librebook.ru/byliny_istoricheskie_pesni_ballady/vol3/1 (дата обращения: 11. 12. 2019).
10. Куракин, Д. Ю. Ускользающее сакральное: проблема амбивалентности сакрального и ее значение для «сильной программы» культурсоциологии / Д. Ю. Куракин // Социологическое обозрение. — Т. 10. — 2011. — № 3. — С. 41–69.
11. Митрополит Кирилл: «Опыт взаимодействия традиционных религий — великое культурно-цивилизационное достояние многонациональной России» [Электронный ресурс] // URL: <http://civilg8.ru/6610.php> (дата обращения: 11. 12. 2019).
12. Прозвища памятников. Луркоморье // [Электронный ресурс] // URL: http://lurkmore.to/_/78869#mws_qR0rttQ (дата обращения: 11. 12. 2019).
13. Раскин Иосиф. Энциклопедия хулиганствующего ортодокса [Электронный ресурс] // Иосиф Раскин // URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=124148> (дата обращения: 11. 12. 2019).
14. Российская академия наук в Будапеште: Великая Отечественная война — «так называемая», Победа — «миф» // 1999–2015 ИА REGNUM [Электронный ресурс] // URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1415885.html#ixzz3XlJjE27U> (дата обращения: 11. 12. 2019).
15. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. — М.: Междунар. отношения, 2002. — Изд. 2-е. — 512 с. — Энциклопедия символики и Геральдики [Электронный ресурс] // URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Жертва> (дата обращения: 11. 12. 2019).
16. Стайрон, У. Выбор Софии / У. Стайрон // Электронная библиотека RoyalLib.Com [Электронный ресурс] // https://royallib.com/book/stayron_uilyam/vibor_sofi.html (дата обращения: 11. 12. 2019).
17. Трагедия в Корюковке: «Кровь лилась по земле рекой» // Газета.Ru. 01.03.2018. [Электронный ресурс] // URL: https://www.gazeta.ru/science/2018/03/01_a_11666743.shtml (дата обращения: 11.12.2019).
18. Тулупов, В. В. Структура менталитета: к постановке проблемы / В. В. Тулупов // relga.ru [Электронный ресурс]. — № 13 [251] 05.09.2012 // URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3302&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 11. 12. 2019).
19. «Это провокация и «троллинг» // Русская народная линия [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2014/01/29/eto_provokaciya_i_trolling/ (дата обращения: 11. 12. 2019)